

УДК: 930.2:352.075.2 (575.1) (043.3)
DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-224-230

А. Т. Сабиров

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Устная история «молчаливого большинства». Из опыта полевых исследований в Узбекистане

Аннотация. В статье рассмотрен опыт историков Узбекистана по проведению устно-исторических исследований. По мнению автора, опыт устной истории в Узбекистане пока недостаточен, но имеет хорошие перспективы, так как уже сформировано сообщество ученых и представителей смежных наук по устной истории. Это направление развивается как в социальном, так и в академическом аспекте. При этом отмечен ряд проблем в развитии нового метода: фрагментарность исследований, слабая методическая база, отсутствие взаимодействия между исследователями. Поэтапно показан процесс институционализации работы по сбору и анализу устных воспоминаний на базе конкретных проектов и международного сотрудничества. Подробно расписаны методы исследований, которые сопровождались полевой и исследовательской практикой. Рассмотрены конкретные методы полевых исследований местных сообществ (махалля) и малых городов Узбекистана. Отмечены специфические проблемы проведения устно-исторических исследований: официальный дискурс в воспоминаниях ветеранов, соблюдение этики в отношениях исследователя и респондента, проблема языка и др. **Ключевые слова:** устная история, интервьюирование, историческая память, история и самосознание, тренинги, малые города, махалля, биографический метод, транскрибирование.

В конце прошлого столетия в результате социально-политических перемен конца 1980-х — начала 1990-х гг. и открытия ранее засекреченных архивов узбекские исследователи получили доступ к многочисленным документам советского общества. Первоначально сложилась видимость возможности изучения истории только на основании документальных источников. Но в настоящее время перед узбекскими историками встает проблема поиска новых источников, так как становится все более очевидной недостаточность письменных материалов. Например, до сих пор остается малоизученным то, как отразились ключевые события нашей истории на жизни людей, как воспринимали их сами жители, как трансформировались их культура, повседневный быт в периоды социальных потрясений, которыми изобилвала история Узбекистана в XX в.

В связи с этим устная история в Узбекистане стала новым направлением в исторических исследованиях, возникшим в результате осознания недостатков письменных источников, не отражающих многие исторические факты повседневной жизни людей, а также отношение общества и отдельного индивида к тем или иным событиям прошлого. При этом многие узбекские историки к методам и источникам устной истории относятся скептически.

Автор не ставит перед собой задачу анализа научных дискуссий по данному вопросу, а попытается раскрыть небольшой, но, по мнению автора, интересный опыт проведения устно-исторических исследований в Узбекистане.

Приступая к устно-историческим исследованиям, отечественные историки исходили из того, что инструментарий устной истории позволит значительно расширить диапазон возможных исследовательских задач в рамках локальной истории.

Устные свидетельства изначально субъективны [1, с. 39]. В этом состоит их особенность и главное достоинство, открывающие возможности приблизиться к осмыслению людьми своей истории, повседневной жизни, выявлять особенности менталитета. Другие виды источников зачастую пишутся с позиции государства, и человек в них остается объектом приращения его властных полномочий.

Традиционно в нашей стране в сфере устной истории работают этнографы. Особенностью отечественной этнографии всегда являлся ее историзм (в отличие от западной традиции, где этнологические исследования всегда были ближе к социологии). Именно этнографы изучают историю крестьянства, его современное состояние, развитие различных этнических общностей в городской и сельской среде.

В узбекистанской историографии ситуация с исследованиями и использованием устно-исторических материалов характеризуется наличием определенных проблем, основными из которых являются:

- отсутствие взаимодействия между различными группами исследователей;
- слабая методическая база для проведения исследований в сфере устной истории (недостаток литературы, методических указаний, вопросников и пр.);
- недостаток опыта, знаний и средств.

Однако узбекские историки стали использовать методы устной истории в своих исследованиях.

Начальным опытом применения научного подхода устной истории можно считать исследования профессора Хаида Зияева в конце 1950-х — начале 1960-х гг., когда он лично собрал воспоминания у оставшихся в живых участников мощного национально-освободительного восстания 1916 г. в Ферганской долине [2, 3]. Прежде чем брать интервью,

Респонденты — участники восстания 1916 г. (фото проф. Х. Зияева, 1950-е гг.).

он записывал личные координаты респондентов (национальность, дату рождения) и фотографировал их (см. фото), а затем проводил беседу, записывая их воспоминания. Такие же исследования, сбор и анализ устных воспоминаний узбекский ученый провел у коренных сибирских узбеков России, которые сейчас практически ассимилировались [4].

Практика сбора устных свидетельств стала активно использоваться с середины 1990-х гг., причем с устными воспоминаниями стали системно работать не только представители академической науки, но и специалисты других сфер. В этом плане интересным представляется опыт работы Государственного музея Памяти жертв репрессий¹.

В 1980-е гг., когда в Узбекистане были открыты некоторые фонды КГБ, ученые и музейные работники ознакомились с ранее закрытыми архивными материалами, проливающими свет на трагическую судьбу известных узбекских писателей и общественных деятелей. Но многих данных не хватало. Поэтому специалисты музея выезжали в регионы Узбекистана, встречались с семьями репрессированных и собирали устный материал. На местах проводились конференции, вечера памяти, через радио и региональное телевидение люди узнавали о миссии музея и общественного фонда «Шахидлар хотираси» (Память шахидов), приходили со своими материалами, делились своими воспоминаниями.

¹ Автор на протяжении нескольких лет работал заместителем директора этого музея и лично принимал участие в описываемых в настоящей статье проектах.

На основе глубокого интервью проводилась работа с представителями узбекской диаспоры в Турции, отцы и деды которых некогда бежали от репрессий из Узбекистана в 1920–1930-х гг., а также интервьюирование представителей культуры, науки и духовенства Узбекистана, тех людей, которые были репрессированы в Узбекистане, а также представителей народов, депортированных в Узбекистан.

С применением методов устной истории проводились исследования детей и других членов семей репрессированных представителей узбекского дехканства, которые были раскулачены и отправлены на Украину как социально опасные элементы, а также купцов и ремесленников. Все эти материалы отображены в видео- и аудиоформате в специальных экспозициях музея². Каждое интервью охватывало не только конкретный период, но и всю жизнь человека, что позволяет проследить трагические следы репрессий на истории целых семей. Таким образом создается огромное поле для работы историков, психологов, социологов, лингвистов.

Интервьюирование органично сочеталось с исследованием анкетных данных и писем. Были тщательно изучены специальные анкеты, которые заполнялись при поступлении на учебу или работу. Многие респонденты после беседы приносили письма от местного населения. В фондах музея хранится около 2 тысяч уникальных писем узбекистанцев — например, более 100 писем заключенных ГУЛАГа. На осно-

² Из Фонда видео- и аудиоматериалов архива музея «Памяти жертв репрессий» АН Республики Узбекистан.

ве устных воспоминаний и письменных документов специалисты музея изучают, уточняют конкретную историческую ситуацию, информацию о персонах.

В процессе интервьюирования формировался банк данных по неопубликованным работам репрессированных деятелей литературы и культуры. В результате было собрано много ранее неизвестных и чудом сохранившихся рукописей произведений узбекской литературы и поэзии, основная часть которых были уничтожена режимом.

Интересная работа по обмену опытом по методологии и методике устной истории была организована филиалом германской Ассоциации народных университетов (DVV) в Узбекистане в рамках проекта «История и самосознание»¹. Этот проект всегда опирался на принцип осознания истории через ее личностное восприятие очевидцами событий, поэтому начальный этап характеризовался работой в махаллях – традиционном социальном институте с местным самоуправлением.

Логическим продолжением работы Представительства в рамках этой стратегии стали семинары. Они стали своеобразным мастер-классом для тех, кто решил взяться за изложение воспоминаний прошлого. Участниками семинара были как сами респонденты, так и интервьюеры. В результате появилась книга воспоминаний очевидцев о ташкентском землетрясении 1966 г. [5].

Специалистами Института истории АН Республики Узбекистан проводилось нарративное интервьюирование бывших участников антисоветских восстаний [6].

В дальнейшем с целью институционализации работы по сбору и анализу устных воспоминаний Институт истории Академии наук Узбекистана в 2010–2011 гг. реализовал исследовательский проект «Устная история Узбекистана XX века как метод и источник исторического исследования» [7]. На начальном этапе, в 2010 г., через Фонд поддержки научно-исследовательских проектов Академии наук Узбекистана был выигран грант по реализации проекта «Устная история Узбекистана XX века как метод и источник исторического исследования» на 2010–2011 гг. Более успешной реализации этой цели служил еще один совместный узбекско-германский проект «Вызовы времени и устная история» (развитие в Узбекистане новой исследовательской практики oral history – «устная история» [8], где были четко определены функции создаваемого в будущем научно-образовательного центра по устной истории:

- координация работ по сбору воспоминаний;
- обеспечение технической поддержки;
- обеспечение методической поддержки;
- создание и хранение единой базы данных респондентов;
- создание и хранение фонотеки воспоминаний.

¹ Автор участвовал в указанном проекте, и дальнейшие материалы статьи основаны на его личном исследовательском опыте.

В Ташкенте организуются несколько этапов тренингов с участием местных и зарубежных экспертов по проблемно-тематическим консультациям по навыкам работы с устной информацией. Уделяется внимание теоретическим и методическим аспектам устно-исторического исследования, соблюдению принципа комплексности в его организации, с учетом всех этапов подготовительного, полевого, архивного, аналитического и задач, решаемых на каждом из них. Для участия в тренингах создаются междисциплинарные команды, включающие в себя специалистов разных отраслей знания (историков, социологов, этнографов, лингвистов, архитекторов, режиссеров, журналистов). Сами тренинги были разделены на три этапа. Первые два этапа посвящены общей теме «Как использовать методы устной истории». Изучаются такие вопросы, как «Ситуация интервью (схема, вопросы, темы)», «Метод наблюдения», «Социальные сети. История, теория, практика» и «Устная история. Семья как социальная память (методология)», «Методы распознавания достоверности источников информации», «Работа с техникой при проведении полевых исследований», «Создание гайдов» и т. д. Особое внимание уделяется теме «Психологические аспекты работы с респондентами» с участием опытного психолога.

Начальный этап работы oral history в Узбекистане стал неопределимым с точки зрения приобретения опыта для будущей работы с очевидцами истории, а методы проведения семинаров и дискуссий с привлечением зарубежных специалистов способствовали воспроизведению воспоминаний и работе с ними. В результате в республике появляется сообщество научных работников, преподавателей, студентов, музейных работников, всех интересующихся историей своего края по делу сохранения народной памяти о событиях, фактах, явлениях, которые составляют историческое прошлое страны, а также междисциплинарное взаимодействие, обмен методами и подходами, сформировавшимися в рамках разных научных областей. После получения теоретических навыков проводятся практические занятия в формате пилотажного исследования на тему «Жизнь малых городов Узбекистана. Социо-культурный аспект (вторая половина XX – начало XXI века)». Пилотаж проходил в регионе, имеющим древние земледельческие и ремесленные традиции: в трех областях Ферганской долины – Наманганской (города Чуст и Туракурбан), Андижанской (города Шахрихан, Асак), Ферганской (города Алтыарык и Кувасай). Тема пилотажа и указанные города выбирались самими участниками тренингов по социальным, экономическим, демографическим, этническим критериям.

Этапы работы выглядели следующим образом.

1. Постановка проблемы исследования и определение конкретных задач, которые необходимо реализовать, чтобы достичь поставленной цели.

2. Подготовительный этап интервьюирования, который подразумевает инструктаж корреспондентов относительно этики проведения опроса, опреде-

ление круга респондентов будущего опроса, составление вопросника.

3. Этап непосредственного сбора информации.

4. Этап обработки полученной информации, который связан с составлением базы данных проведенного исследования на цифровых носителях информации с возможным последующим размещением в сети Интернет (возможные варианты: аудиоархив, видеоархив, архив текстовых записей интервью).

5. Обобщение результатов исследования и оформление презентации проекта.

Критерии разработанных гайдов были разделены на три уровня:

Микроуровень

- Биография личности
- Биография семьи

Мезоуровень

- Биография махалли (местной общины)

Макроуровень

- Биография города

Указанные вопросы раскрывались через традиции, образ жизни, быт, род занятий, архитектуру. В результате участниками проекта получено более 30 аудиоинтервью, значительная часть которых к тому же зафиксирована в фото- и видеформате, что послужило основой для архива Центра.

Осенью 2010 г. прошел завершающий этап тренинга, связанный с вопросами транскрибирования информации и последующего архивирования полученной информации с участием зарубежного эксперта. Участники тренинга отрабатывали процедуры триангуляции на основе методов анализа интервью, включая расшифрованные интервью из числа полученных участниками проекта в процессе пилотажа.

В процессе проведения тренингов сформированной команде по устной истории совместно со студентами ряда ташкентских вузов удается провести мастер-класс по теме «Традиционная и современная архитектура узбекской махалли через oral history». Дело в том, что в октябре 2010 г. в Ташкентском архитектурно-строительном институте при поддержке немецких организаций Гете-Институт, DAAD и DVV international состоялся научно-практический симпозиум «Архитектура между традициями и современностью». Он явился частью междисциплинарного проекта «Архитектура и идентичность», разработанного Гете-институтом, ДААД, DVV international в сотрудничестве с партнерскими организациями (ТАСИ, Институт истории АН РУз и др.). В фокусе интересов симпозиума оказалась узбекская махалля как архитектурный и социальный объект. Как отмечал немецкий исследователь Маттиас Клингенберг, «махалля является ядром традиционной узбекской культуры и в качестве нижней административной единицы городского управления относится в равной мере как к традиционной социальной реалии жизни узбеков, так и к политической структуре страны. С обретением независимости данная административная единица была перенесена и на части города, построенные в советский период. Однако под

понятием „махалля“ в общем понимается узбекский квартал, застроенный преимущественно одноэтажными домами в традиционном стиле» [9, с. 272].

Жизнь в традиционных узбекских махаллях с учетом современных способов строительства жилья необходимо освещать с различных сторон: собственно архитектурной, исторической, этнографической, эстетической, культурологической. В центре особого внимания исследователей в настоящее время находятся историко-эстетические и архитектурные концепции жизни в «махалле будущего» и методы устной истории для выявления признаков, определяющих особенности самосознания.

В рамках данного мастер-класса при участии автора с помощью современной методики устной истории, которая нашла практическое применение в четко структурированных интервью с жителями махалли, был представлен эмпирический подход к исследованию процесса формирования и развития самосознания в махалле. Общей целью мастер-класса явилось изучение процесса трансформации облика махалли в контексте архитектуры, традиции, ментальности. Цель своего практического исследования участники мастер-класса сформулировали следующим образом: «Трансформация облика узбекской махалли (архитектура, традиции, ментальность)».

Мастер-класс состоял из трех этапов.

Первый этап включал проведение обучающего тренинга по доступным методикам проведения устно-исторического исследования в полевых условиях. Рассматривались вопросы целей проведения исследования, социальная память, вклад oral history в изучение традиционной и современной архитектуры узбекской махалли, поколенческий анализ, история семей. На основе обсуждения выделялись гипотетические факторы, влияющие на процесс архитектуры сквозь призму общины, такие как групповая формация, укрепление чувства общности, социальные факторы (через потерю локального взаимодействия с соседями; потерю «общности»; потерю территориального осознания общины (замена этой потери нетерриториальными интересами общины) и т. д.

Разработка гайдов осуществлялась по следующим ключевым вопросам:

- досуг;
- наличие/отсутствие подсобного хозяйства;
- форма проведения традиционных мероприятий
- моно/полиэтничность;
- форма управления;
- степень участия в делах общины;
- наличие собственности;
- выбор брачного партнера;
- степень автономности семьи и индивидуума;
- характер потребления;
- элементы интеграции общины традиционной и современной;
- новые постройки, особняки, их роль и место в махалле.

Методы проведения тренинга в рамках мастер-класса способствовали обучению участников спо-

собам воспроизведения воспоминаний и практической работы с ними. Это способствовало созданию определенного профессионального настроя. Помогла также дискуссия, организованная модераторами мастер-класса «Традиционная и современная архитектура узбекской махалли через oral history». Важным было и то, что модераторы остановились на психологических аспектах работы с респондентами. Главное в этом – искренний интерес интервьюера к респонденту, сопереживание рассказчику, организация условий психологического комфорта для него.

Второй этап состоял из полевого исследования. Были выбраны две махалли г. Ташкента:

– махалля Сузукота (традиционная, моноэтническая – архитектура в форме индивидуальных домов, имеющих личные участки земли);

– махалля «Янги Камолон» (современная полиэтническая архитектура в форме многоэтажного дома).

Методика проведения мастер-класса была направлена на максимальное получение навыков проведения устно-исторического исследования. Целевая группа (студенты, 18 человек) разделилась на 6 мини-групп по 3 человека. К каждой группе прикреплялся один модератор. Было проведено 12 глубоких интервью с ветеранами махаллей в форме беседы.

Беседы шли в соответствии с разработанной во время теоретической части мастер-класса схемой и касались таких тем, как автобиография респондента; история семьи, дома, махалли в целом; особенности махалли (чем занимались и занимаются жители, в чем сходство и в чем отличия от соседних махаллей и т. д.); специфика архитектуры махалли; улицы, их история, названия, переименования; этнический и социальный состав населения махалли; знаменитости, проживающие (ранее проживавшие) в махалле или вышедшие из махалли; культовые постройки в махалле (если есть); общественные постройки (гузар, чайхана, тойхона и т. д.); инфраструктура (дороги, бытовые услуги и т. д.); характер озеленения и благоустройства территории; формы проведения традиционных мероприятий (свадьбы, юбилеи, праздники, варка сумалаяка и т. д.); развитие и трансформация облика махалли; степень участия человека в делах махалли и др.

Все это способствовало тому, что студенты на практике осваивали один из новых научных методов, учились правильно его использовать под руководством специалистов устной истории и преподавателей архитектурного института. На третьем этапе полученный материал обсуждался, анализировался в группах и на заключительном пленарном заседании.

Проведение ряда семинаров и тренингов, участниками которых были разные слои населения Ташкента (учителя, вузовские работники, студенты, пенсионеры, ученые), осуществлялось с целью проблемно-тематического изучения как самого метода, так и развития навыков работы с устной информацией. В результате сформировалась команда исследо-

вателей и волонтеров, работающих исключительно на основе использования метода устной истории.

Научно-практическим результатом работы данной команды становится книга «Устная история в Узбекистане. Выпуск I» (Ташкент, 2011), который включает публикации, посвященные теоретическим вопросам и результатам практических исследований по устной истории Узбекистана и зарубежный опыт oral history [10].

Следующий этап проекта (2011): распространение методов oral history путем организации тренингов и практической работы среди научного, преподавательского, студенческого состава различных учреждений, общественных организаций и местных общин; приобщение общественности в регионах Узбекистана, к изучению истории на микроуровне – через призму сознания реальных людей; содействие появлению сети центров устной истории; расширение архива устно-исторических материалов Института истории АН Узбекистана. В качестве пилотных объектов были выбраны сельские регионы древних историко-культурных центров Узбекистана – Бухары и Самарканда, а также проблемный экологический регион страны – Каракалпакстан. Обучением методам устной истории в целевых объектах было охвачено 50 человек на базе исторических факультетов Бухарского, Самаркандского государственных университетов и Института истории, этнографии и археологии Каракалпакского отделения АН РУз. В составе целевой группы – научные работники, преподаватели вузов, учителя школ и колледжей, аспиранты, студенты, музейные работники, активисты махаллей. В программу тренингов входили вопросы методологии устной истории, социальная память и методы изучения семейной истории, работа с техникой при проведении полевых исследований, особенности проведения интервью, методы установления достоверности устно-исторической информации, создание гайдов, определение объектов и темы пилотажа. Структура тренингов включала обсуждение зарубежных статей по устной истории, анализ местного опыта устной истории, дискуссии, лекции, практические занятия. Участники сами выбирали объекты для проведения пилотажного исследования (всего 6 малых городов в целевых регионах).

Проводилась работа с респондентами в возрасте от 23 до 65 лет. Социальный состав респондентов имел широкий спектр: рабочие, крестьяне, чиновники, интеллигенция. Путем обсуждения в малых группах в гайд включались ключевые вопросы:

- с какого времени живут в городе;
- что знают об истории города;
- детство и город;
- знаковые явления в жизни респондента связанные с городом;
- изменения города, произошедшие на их глазах;
- образ жизни города сегодня (традиции, социальная сфера, экономика, педагогика, культура, образование);
- будущее города в представлении его жителя.

В результате данной работы в регионах Узбекистана были сформированы местные группы мотивированных специалистов ученых, преподавателей, музейных работников и студентов по проведению исследований по устной истории, накоплен и расширен архив устно-исторических материалов (72 интервью) и главное – процесс внедрения метода устной истории стал своеобразным мастер-классом для тех, кто решил изложить воспоминания о прошлом.

В процессе работы была неплохо разработана методика полевых исследований по архивированию и методам анализа. Причем анализ рассматривает как форму, так и содержание:

- как рассказана история?
- каким образом интервьюируемый помнит и интерпретирует прошлое?
- каковы основные события, вопросы и темы интервью?
- акцент на согласованности, расхождениях и противоречиях в повествовании;
- каким образом повествование связано с вопросами, не указанными в тексте?
- повествование должно анализироваться с учетом более широкого политического, социального и культурного контекста.

При анализе уделялось особое внимание не столько информации о самих событиях прошлого, сколько тому, как они отражаются в индивидуальном и общественном сознании. Специалисты старались выявить содержащуюся в устном источнике скрытую информацию, чего было очень сложно достичь без применения определенных социологических методик.

Еще один этап методологии устной истории, наиболее затратная часть во времени интервьюирования, – транскрибирование и архивирование полевого материала.

Полученные в процессе тренингов навыки позволили сформировать группу по транскрипту и по разработанной инструкции проводить правильную фиксацию материала, включая стиль интервью, заметки исследователя, информацию о респонденте. В результате был сформирован архив устно-исторических материалов в аудио- и видеформате и транскрибированный материал.

С целью соответствия установленным правилам архивации были проведены дополнительные тренинги на базе Центрального архива кинофотофонодокументов Республики Узбекистан. Изучались методы материализации нематериальных объектов культурного наследия, технологии записи и хранения аудиовизуальной информации, оцифровка, архивация и форматы хранения устной информации, использование баз данных аудиовизуальных информационных ресурсов и массивов.

В процессе конкретного обучения специалисты по устной истории и сотрудники государственного агентства «Узархив» пришли к соглашению о создании отдельного фонда устно-исторических материалов в Центральном архиве кинофотофонодокумен-

тов Узбекистана. Этот фонд будет открытым для доступа и изучения всем интересующимся устно-историческими исследованиями в Узбекистане.

Узбекские историки имеют небольшой, но любопытный опыт «женской устной истории». В качестве удачного образца использования методов устной истории в исследовании гендерной проблематики можно назвать работы последних лет, среди которых монография Марианн Кэмп «Новая женщина Узбекистана» и сборник воспоминаний Марфуи Тохтаходжаевой «XX век глазами женщин Узбекистана» [11, 12].

Сейчас ряд историков Узбекистана работает по тематике «Узбекистан в 1945–1991 годах: политико-институциональное трансформация общества и истоки обретения независимости (по материалам устной истории и письменных источников)». Цель комплексный анализ наиболее значимых факторов социально-экономических и культурных процессов, происходивших в Узбекистане во второй половине XX в. (1945–1990) в условиях «государственного социализма» и советской идеологической системы.

Накануне праздника независимости на территории мемориального комплекса «Памяти жертв репрессий» на берегу реки Бозсу, где в годы сталинских репрессий тайно расстреливали лучших представителей отечественной интеллигенции, на традиционном Дне памяти 31 августа 2020 г. глава государства Ш. М. Мирзиёев инициировал очень интересную идею: провести изыскания по каждому из 100 тысяч репрессированных, узнать их историю, встретившись с их родственниками, издать книги об их деятельности, увековечить память о них, назвав их именами махалли и школы [13].

Чтобы выявить историю людей – свидетелей эпохи, их идеи, переживания, мысли и надежды, нужно изучить историческое прошлое через конкретные судьбы тысяч наших соотечественников, ведь многие письменные документы были изъяты или уничтожены. На первый план выходит устная история, которая непосредственно связана с историко-биографическим методом исторического исследования, направленного на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни человека или социальной группы. А значит, узбекским «устным историкам» предстоит еще более интересная работа в сотрудничестве с государственными структурами.

Пока еще небольшой узбекский опыт работы по устной истории приводит к пониманию необходимости рассмотрения устной истории как особой сферы научных исследований и как совокупности разнообразных путей и приемов анализа и интерпретаций собственно полученных с помощью интервьюирования текстов. Другими словами, актуальным на сегодня является акцентирование внимания на тех этапах устно-исторического исследования, которые начинаются после полевой работы, а именно на архивировании интервью, стратегических подходах и методиках анализа, употребляемых исследователями, что делает устную историю сугубо акаде-

мической и одновременно открытой для публичного рассмотрения, дающей доступ к своим материалам представителям широкой общественности.

A. T. Sabirov

Oral history of the “silent majority”. From the experience of field research in Uzbekistan

Annotation. This article examines the experience of Uzbek historians in conducting oral history research. According to the author, the experience of oral history in Uzbekistan is still insufficient, but it has good prospects, since a community of scientists and representatives of related sciences in oral history has already been formed. This direction is developing both in social and academic aspects. At the same time, a number of problems in the development of the new method were not-

ed, such as the fragmentation of research, weak methodological base, lack of interaction between researchers. The process of institutionalizing the collection and analysis of oral recollections on the basis of specific projects and international cooperation is shown in stages. Methods of research, which were accompanied by field and research practice, are described in detail. The article discusses specific methods of field research of local communities (mahalla) and small towns of Uzbekistan. The author notes specific problems of conducting oral-historical research, such as the official discourse in the memoirs of veterans, the observance of ethics in relation to the researcher and the respondent, the problem of language and others. **Keywords:** Oral history, interviewing, historical memory, history and identity, trainings, small towns, mahalla, biographical method, transcription.

Источники и литература

1. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории: учебное издание / Сост. М. В. Лоскутова. СПб Изд-во Европ. ун-та, Санкт-Петербург, 2003.
2. Зияев Х. Ўзбекистон мустақилиги учун курашларнинг тарихи (История борьбы за независимость Узбекистана). Ташкент, 2001.
3. Исмаилова Ж. Фаргона водийсидаги миллий озодлик курашлари (Национально-освободительное движение в Ферганской долине). Ташкент, 2003.
4. Зияев Х. Узбеки в Сибири XVII–XIX вв. Ташкент Фан, 1968. 73 с.
5. Ташкентское землетрясение 1966 года. Воспоминания очевидцев. Ташкент, 2008.
6. Зияева Д. Босмачиллик: Хақиқат ва уйдурма (Басмачество: истина и мифы). Ташкент, 2002.
7. Текущий архив Института истории АН РУз.
8. Соглашения о сотрудничестве и совместной деятельности между представительством «Немецкой Ассоциации народный университетов (IZ/DVV) и Институтом истории Академии наук Республики Узбекистан за 2010 и 2011 гг. // Текущий архив Центра устной истории Института истории АН РУз.
9. Клингенберг М. Махалля между традицией и современностью // История и Самосознание: Опыт Узбекистана и Германии. Ташкент, 2006.
10. Устная история в Узбекистане: теория и практика. Вып. I. Ташкент, 2011.
11. Kamp M. The new Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity. And unveiling under communism. Seattle-London: University of Washington Press, 2006. 332 p.
12. XX век глазами женщин Узбекистана /сборник первич. материала, авт. предисл., заключения, глоссария и примеч. М. Тохтаходжаева. Москва Наталис, 2008. 312 с.
13. Народное слово. 2020. 1 сент.

УДК 94(571)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-230-243

Г. С. Харатян

Институт Археологии и этнографии НАН РА, г. Ереван, Республика Армения

Сибирь в письменных воспоминаниях и устных рассказах репрессированных армян: от ГУЛАГа до второй родины

Аннотация. Публикация посвящена рассмотрению образа Сибири у репрессированных армян, которые были высланы в этот регион. Источниками работы стали как письменные воспоминания, так и устные рассказы. Анализируя источники, автор характеризует непростые природные условия Сибири и отношение местного населения к депортированным армянам. Отмечены значительные различия образа Сибири в письменных воспоминаниях взрослых людей и в устных рассказах информантов, которые на момент высылки были детьми. **Ключевые слова:** Сибирь, ГУЛАГ, армяне, депортация, спецпоселение.

Не секрет, что слово «Сибирь» и представление о Сибири у многих, в том числе у армян, в конце XIX – начале XX в. ассоциировалось со ссылками, каторгой, криминальной преступностью и местом скопления сосланных за политическое диссидентство.

Ассоциация Сибири с ссылкой стала убежденным в 1927–1933 гг. когда новая советская власть сначала в лице ГПУ, затем НКВД пачками отправляла в ссылку в Сибирь на 3 года, на 5 лет нежелательные «элементы» из Советской Армении как «антисо-

ветски», «контрреволюционно» настроенных людей. Очень многими из них были так называемые фидины из Западной Армении, спасшие немало людей – женщин, детей, стариков от резни армян в Турции, помогавшие им в 1915–1916 гг. перейти на Кавказ, были любимыми героями, в особенности среди беженцев. После большевистской революции в России и заключения «Договора о дружбе и братстве» между Москвой и Анкарой в 1921 г. и признания Советской Россией восточных границ Турции с Армени-